

Лингвистическая диагностика русского бунта

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются разнообразные оттенки употребления слова *бунт* и других близкозначных слов в творчестве А. С. Пушкина, что позволяет в определённой степени раскрыть контекстуальное их значение в парадигме художественного текста.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, художественный текст, семантика, синонимы, словарная дефиниция, трансформация семантики.

E. N. BEKASOVA. *Linguistic Diagnostics of the Russian Revolt*

Abstract. This article are considered various shades of the use of the word *revolt* and others the *blizkoznachnykh* of words in A.S. Pushkin's creativity that allows to open in a certain degree their contextual value in a paradigm of the art text.

Keywords: A.S. Pushkin, art text, semantics, synonyms, dictionary definition, semantics transformation.

Мы живём во дни переворотов —
или переоборотов (как лучше?)

А. С. Пушкин

Так сложилось, что жизнь А. С. Пушкина оказалась насыщенной событиями немирного времени. Уже в первом знаменитом «воспоминании прежних лет» юного лицеиста есть и «громкий век военных споров», и «бранные непогоды», «и брани новые, и ужасы войны» [Пушкин 1959, т. 1: 10]. Об этом и последние лицейские стихи А. С. Пушкина: «Чему, чему свидетели мы были! Игралища таинственной игры, Метались смущенные народы; И высились и падали цари; И кровь людей то Славы, то Свободы, То Гордости багрила алтари» [Пушкин 1959, т. 2: 468].

Именно в эти смутные и мятежные времена во всей своей остроте встают вечные проблемы человечества и происходит испытание человека на его причтённость к человеческому. А. С. Пушкина всегда привлекал человек на изломе его судьбы, когда за измену, подлость и ложь давали званья и чины, а служение и честь стоили жизни. Как ведёт себя человек «во дни переворотов — или переоборотов» [Пушкин 1941: 140], что побуждает в нём силу духа, побеждающую смерть, или открывает «бездну роковую Души коварной» «в худые времена, Крамол и смут во дни кровавы»? Тем более, что Россия обильна на «ярость бранных непогод», на «мятеж народный», «кровоавую зарю Войны народной», на «вселенной бич» и «грозную зарю», ту или иную «смутную пору» — «война, и мор, И бунт, и внешних бурь напор Ее, беснуясь, потрясали...» [Пушкин 1959, т. 2: 342]. О чём это? «О темном ли владычестве татар? О казнях ли свирепых Иоанна? О бурном ли новгородском вече?» «Когда тягался с поляками Нижегородский мещанин?» «Когда Россия молодая, / В бореньях силы напрягая, Мужала с гением Петра?»

Когда «с Булавиным мутят?», «Когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора?»...

А. С. Пушкин, безусловно, не только «явление
чрезвычайное и, может быть, единственное явление
русского духа», но и «пророческое» [Достоевский
1958: 442]. И до сих пор у нас, с одной стороны, игра-
лища и гордость, с другой — смущённые народы, то
слава, то свобода ... но всегда между ними — кровь
людей. А современные «крамолы и коварства» с
точностью укладываются в филигранно выписанные
А. С. Пушкиным исторические сценарии: «Украина
глухо волновалась. Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо, Чтоб гетман узы их рас-
торг, И Карла ждал нетерпеливо Их легкомысленный
восторг. Вокруг Мазепы раздавался Мятежный крик:
пора, пора!» [Пушкин 1960, т. 4: 197]. Смена имён и
должностей практически ничего не меняет, поскольку
суть войн неизменна — разница только в цене и коли-
честве пролитой крови. Как и хронически постоянны
побуждения тех, кто «мятеж народный учреждает»
и поднимает «знамя вольности кровавой». С одной
стороны, «своеволием пылая, Роптала юность удалая,
Опасных алча перемен, Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры, Святые брани, догово-
ры И славу дедовских времен» [Там же: 198], «Во
тьме ночной они как воры Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой, Слагают цифр универса-
лов, Торгуют царской головой, Торгуют клятвами
вассалов. <...> Повсюду тайно сеют яд...» [Там же:
203]. С другой, — «не слабеет воля злая, неутомим
преступный зов» главного зачинщика — «Не мно-
гим, может быть, известно, Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно Вредить он недругам
своим; Что ни единой он обиды С тех пор как жив не
забывал, Что далеко преступны виды <...> Что он не
ведаёт святыни, Что он не помнит благодетельни, Что
он не любит ничего, Что кровь готов он лить, как
воду, Что презирает он свободу, Что нет отчизны для
него» [Там же: 199].

И с прискорбием следует согласиться с великим
поэтом: «нам не в прок пошли науки, и что спасибо
нам за то Не скажет, кажется, никто» [Пушкин 1959,
т. 2: 465].

Гениальность национального поэта в напряжённых
размышлениях об устройстве общества и противоре-
чивости человеческих устремлений от «кутерьмы»
до народной «грозы» позволяет ему, перефразируя
известную фразу, «поверить алгебру гармонией»
и вскрыть универсальные составляющие смут
и военных гроз, понять человеческую природу как
в её низвержении, так и в утверждении. А. С. Пуш-

кин творчески осмысливал истоки, развёртывание
в хитросплетениях измен клубящихся зачинщиков,
случайности и неотвратимости заговоров, мятежей
и бунтов в «Полтаве», «Борисе Годунове», «Дубров-
ском», «Капитанской дочке», «Истории Пугачёва»
и стихотворных размышлениях. Он сумел передать
закономерности их протекания в череде российских
бед, «подводные камни» и послылы участников. Здесь
и уверенность «верхов»: «Но знаешь сам: бессмыс-
ленная чернь Изменчива, мятежна, суеверна, Легко
пустой надежде предана, Мгновенному внушению
поплушна, Для истины глуха и равнодушна, А бас-
нями питается она. Ей нравится бесстыдная отвага»
[Пушкин 1960, т. 4: 246]. И недоумение правителей
перед непредсказуемостью народа: «Твори добро —
не скажет он спасибо; Грабь и казни — тебе не будет
хуже» [Там же: 287]. И колебания «толпы безумцев»,
«беспечность» и «безмолвие» народа...

Перед нами и анатомия злодейств на «материале»
поколебавших трон и устои государства впервые поя-
вившихся на Руси самозванцев. «Вчерашний раб, та-
тарин, зять Малюты, Зять палача и сам в душе палач»,
взявший «венец и бармы Мономаха» [Там же: 207],
в тревоге за своего наследника представляет полный
синонимический ряд козней государственных: «Я, с
давних лет в правленье искусенный, Мог удержать
смятенье и *мятеж*; Передо мной они дрожали в
страхе; Возвысить глас *измена* не дерзала. Но ты,
младой, неопытный властитель, Как управлять ты
будешь под *грозой*, Тушить *мятеж*, опутывать *из-
мену?*» [Там же: 289; курсив наш — Е. Б.].

В этом ряду ещё нет *бунта* как слова заимство-
ванного из польского языка ('заговор, объединение
против кого-то') и зафиксированного впервые сна-
чала в украинской письменности (1599 г.) [Черных
1998: 123–124]. «Переимчивый и общежительный»
[Пушкин 1994: 405] русский язык в очередной раз
закрыл иноплеменным словом брешь, образовавшуюся
в смутное время великих народных потрясений,
спровоцированных цинизмом государственных
властей. Кстати, именно они способствовали при-
живаемости этого слова в русском языке и сужению
его значения за счёт отсечения переносных значений
(*домовный бунт*, *Перен. Бушевание*, *возмущение*
(*стихий*, *страстей*)) и постепенной терминологи-
зации [СлРЯ XVIII: 9]: Екатерина II назвала Н. А. Ра-
дищева «бунтовщиком, хуже Пугачева», а цензоры
Николая I соглашались печатать «Историю Пугачёва»
с изменением названия на «Историю пугачёвского
бунта», с которым она и вышла в 1838 г., после смер-
ти А. С. Пушкина.

Судя по статистической представленности, А. С. Пушкин по-разному использовал потенциал возможных близкозначных слов. В «Дубровском» *бунтом* исправник называет справедливое возмущение крестьян вместе со своим молодым хозяином незаконными действиями уездного суда. Владимир Дубровский, понимая все последствия сопротивления чиновникам, призывает к спокойствию, уповая на государя и уравнивая *бунт* и *разбойничество*: «Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать» [Пушкин 1960, т. 5: 175]. Но без возмездия не обошлось — и в дальнейшем Дубровский и его крестьяне называются *разбойниками*, а их борьба — *разбоем* (25 употреблений). В «Капитанской дочке» Петруша почти сразу же встречается с разбойниками (так их обозначает Савельич) — с карточными шулерами и дорожным, которому Пётр жалуется заячий тулупчик. Широкое понимание разбойника как вора и грабителя распространяется на Пугачёва со стороны противоположного лагеря, да и сам он, видимо, принимает такой статус, судя по исполняемой пугачёвцами песне: «Еще станет государь-царь меня спрашивать: Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын, Уж как с кем ты *воровал*, с кем *разбой* держал ... ?» [Пушкин 1960, т. 5: 349].

В тексте «Истории Пугачёва» слова *разбойник* *разбойники* (19 случаев) приложимы только к сторонникам Пугачёва (например, как правило, разбойник Хлопуша). Шайка разбойников получает дополнительную характеристику, связанную с потрясением государственных устоев — *изменник*, *измена*, *изменил* (29 случаев), а для Пугачёва добавляется приложение *самозванец* (13 случаев). Показательна в этом плане сцена пленения Пугачёва: «Что же? — сказал Пугачев, — вы хотите *изменить* своему государю?» — «Что делать!» — отвечали казаки и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. «Я давно видел вашу *измену*», — сказал Пугачев и, подозревая своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: «вяжи!». Творогов хотел ему окрутить локти назад. Пугачев не дался. «Разве я *разбойник*?» — говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал мстью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтобы вязали *изменников*» [Пушкин 1962, т. 7: 98]. Показательно зеркальное отражение «верхов» и «низов», достойных друг друга в жад-

ном стремлении власти, удержании её любой ценой и понимании власти как замкнутой на себе и своей вседозволенности эгоистичной личности. При этом А. С. Пушкин убежден в том, что «власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу» [Пушкин 1994: 291], но «развратная государыня развратила своё государство» [Там же: 417], а «страшный бунтовщик» наполнил его кровью ... Но как «весь чёрный народ был за Пугачёва. Духовенство ему доброжелательствовало» [Там же: 539], изменив государыне, так и любимцы Пугачёва предали его ... «Вы хотите *изменить* своему *государю*?» — «Что делать!» — рефрен Подлости в дворцовых переворотах, заговорах, мятежах, восстаниях, революциях, путчах и войнах во все времена, демонстрирующей переобороты человека в момент испытания на нравственную прочность.

Размах пугачёвщины несопоставим с разбойничеством крестьян Дубровского, поэтому в «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочке» появляются синонимы *злодей*, *злодейство*, *злодействовать*. Более широко употребляется А. С. Пушкиным ряд *мятеж* — *мятежник(и)* — *мятежный*. Такой ряд чётко увязывается со словами *возмущение*, *возмущаться* как отзывом отдельных народов или социальных групп на утеснения и несправедливость (*казаки возмущались*, *возмущение башир*, *возмущение селений*, *пугачёвцы обсуждают утренний приступ и успех возмущения*). В «Капитанской дочке» при описании «обширной и богатой» Оренбургской губернии указывается на её беспокойствие, обусловленное как её богатством, контрастирующим с нищетой народа, так и обширностью, что затрудняет наведение порядка. Отсюда «поминутные возмущения» «полудиких народов», в том числе и «от непривычки к законам и гражданской жизни, легкомыслия и жестокости», что «требовало со стороны правительства непрерывного надзора для удержания их в повиновении» [Пушкин 1960, т. 5: 327]. Но «начальники» на всём протяжении действия романа представляются по меньшей мере «беспечно дремавшими», по большей — необоснованно жестокими, лишёнными в своей вседозволенности даже инстинкта самосохранения. Градус возмущения был так высок, что «яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными подданными» [Там же].

Иногда возмущения провоцируются в определённых кругах: «Там на Дону казачьи круги Они с Булавиным мутят; Там будят диких орд отагу; Там за порогами Днепра Страшают буйную ватагу...» [Пушкин 1960, т. 5: 203]. Любое возмущение, задавленное си-

лой, без искоренения причин приводит к «злобствование втайне и выжиданию удобного случая для возобновления беспорядков», которое выльется мятеж, как и разбой вкупе со злодейством и изменой. Для А. С. Пушкина мятеж и бунт в отношении пугачёвских событий в ряде случаев тождественны. Но бунт как удар хлыста, как взрыв народного недовольства, как доказательство «необходимых новых перемен» [Пушкин 1994: 539]. Поэтому, на наш взгляд, определение слова *бунт* в «Словаре языка А. С. Пушкина» как «мятеж, стихийное возмущение, открытое неповиновение власти, начальству» [Словарь 1956: 190] не позволяет выявить представленную у А. С. Пушкина разницу в семантике слов *смута*, *измена*, *крамола*, *возмущение*, *мятеж*, *бунт*, поскольку отсекает наличие у слова *бунт* тех значений, которые дают основание поставить его на «вершину» отторжения и борьбы с чем-либо и с кем-либо за что и кого, или просто против всего. В современных координатах *бунт* можно отождествить с понятием *гражданская война*. Это уже сложившееся историческое название, отгороженное от перманентных, но уже привычных всплесков возмущения, которые, выйдя на государственный уровень в соединении с изменой и самозванством, взметаются мятежом, взрываясь бунтом. Бунт в своей ярости и безумии становится тем горнилом, в котором люди или теряют всё человеческое или закаляют его в себе ... Поэтому бунт как сплетение человеческих стремлений и страстей, как ускоряющаяся жизнь, поверяющая суть человека смертью, становится главным итогом размышлений А. С. Пушкина. Кажется — мы уже рядом с пушкинской оценкой, которая всё расставит на места — и привычно всё станет чёрным или белым, а может, красным и коричневым ... Но гениальность А. С. Пушкина заключается в том, что в каждом его слове «бездна пространства» (М. Горький), семантика слова ассоциативно осложняется, появляются дополнительные обертоны контекста, и возникает «семантическая двупланность» и «колеблющиеся признаки значения» [Тынянов 1958: 68]. Именно поэтому произведения А. С. Пушкина никогда не устареют, и каждое поколение читателей найдёт в их строках новое и современное.

Это касается и знаменитого Пушкинского итога событий 1773–1775 гг., понимание которого воплощается в том числе и в разночтениях печатных изданий. В прижизненном издании «Капитанской дочки» (22 декабря 1936 г.) в журнале «Современник» напечатано: «Не приведи Бог видеть Русский бунт бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1836: 196]. Помимо горестного восклицания здесь

наблюдаются следы особого построения предложения, характерного не только для древнерусского языка, но и других славянских языков, — второго винительного падежа. Оба винительных падежа (*бунт* и *бессмысленный/беспощадный*) управляются одним глаголом (*видеть*), при этом зависимость первого винительного (*бунт*) меньше, чем второго винительного падежа, поскольку он зависит и от первого винительного *бунт*, и от глагола *видеть*. Именно усиление зависимости от глагола (предикативной функции) привело к утрате второго винительного падежа и его замене предикативным творительным [Потебня 1958: 303–305]. Следовательно, возможна трактовка — Не приведи Бог видеть Русский бунт *бессмысленным и беспощадным!* (ср.: видеть дом красивый — видеть дом красивым). Здесь налицо и некая односторонность и субъективность в оценке бунта, и возможность его видения с другой стороны... Такая множественность смыслов более подходит к трактовке предложения, нежели желание заклеить бунт исключительно бессмысленным и беспощадным. В посмертном издании 1838 года мы встречаем несколько другую вариацию: «Не приведи, Бог, видеть Русский бунт бессмысленный и беспощадный!» [Сочинения Пушкина 1838: 223]. С бунтом и общей эмоциональной оценкой всё по-прежнему, только из фразеологического оборота крайней нежелательности чего-либо изъят Бог, что превращает предложение в некое подобие молитвы к Богу. Чтобы он не дал нам видеть бунт только бессмысленным и беспощадным, а позволил рассмотреть другие его стороны?

В изданиях XX в. слова *бессмысленный и беспощадный* обособляются: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» [Пушкин 1960: 388]; «Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный» [Там же: 411]. По нормам современной пунктуации здесь предполагается определённая степень (большая — тире или меньшая — запятая) разрыва интонационно-смысловой связи с определяемым существительным *бунт*. При таком обособлении логически выделяется слово *бунт*, которое поясняется следующими за ним определениями, при этом русский бунт также лишается своей слитности, поскольку *русский* однозначно квалифицируется как определение.

Следует подчеркнуть, что знаменитая фраза появилась в романе «Капитанская дочка», когда бунт бился в агонии. Тогда же в романе появляется новое слово для обозначения трёхлетних событий — *война*, но более привычное и знакомое нам, современным читателям, в сочетании гражданская

война. Новое слово грозно звучит как общее название того бедствия, «сработанного» обеими противостоящими сторонами. В этом плане достаточно показательны сопоставление текстов главы «Арест» [Там же: 388] и Пропущенной главы [Там же: 411], не включённой А. С. Пушкиным в печатный текст «Капитанской дочки», ср.:

Не стану описывать нашего похода и окончания войны. Мы проходили через селения, разоренные бунтовщиками, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что успели они спасти. Начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно...

Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!

Не стану описывать нашего похода и окончания Пугачевской войны. Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками. Начальники отдельных отрядов самовластно наказывали и миловали; состояние всего обширного края, где свирепствовал пожар, было ужасно...

Не приведи бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный.

Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка.

Описание разорённого пожаром края однозначно свидетельствует, что не только «злодей, обрызганный кровию стольких невинных жертв», довёл его до ужасного состояния и крайнего бедствия — за ним шли правительственные войска, отбирая то, что «оставлено было им разбойниками». Все мысли главного героя, с честью прошедшего испытания бунта, об итогах войны, они нерасторжимы с отравляющим радостью чувством: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, — зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучше ничего не мог бы ты придумать» [Там же: 388]. Так всегда в гражданской войне: нет линии фронта и тыла, а значит, врагом может оказаться брат, друг, сосед; нет защиты ни от разбойников, ни от начальников, и негде спрятаться в водовороте событий от множества самовластных в рухнувших координатах права и правил — ни жертвам, ни злодеям. Все оказываются втянутыми в кровавые разборки, и итог равный — или виселица самозванца-злодея, или плаха государыни, или другое наказание — но без разбору

на виновных и безвинных. Потеря ориентиров гражданского общества затягивает всех, в том числе тех, кто пытается вырваться из объятий войны. Бунтуют из удалства и бесшабашности: уже повешен «по глупости своей приставший к Пугачёву» «бедный мой Ванька, но ещё «все мальчишки бунтуют». Это становится легкомысленной привычкой непуганых мирных жителей: «Я увидел рогатку и караульного с дубиной. Мужик подошел ко мне и снял шляпу, спрашивая пашпорту. «Что это значит? — спросил я его, — зачем здесь рогатка? Кого ты караулишь?» — «Да мы, батюшка, бунтуем», — отвечал он, почесываясь» [Там же: 404]. Да и сам Пугачёв далёк от образа демонического злодея, о чём пишет А. С. Пушкин Д. Давыдову: «Вот мой Пугач: при первом взгляде Он виден — плут, казак прямой! В передовом твоём отряде Урядник был бы он лихой» [Пушкин 1959: 452].

Заключительные строки «Истории Пугачёва» определённо говорят о виновности обеих сторон: «Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов» [Пушкин 1994: 498]. При этом бунт на всех этапах его развёртывания происходил по попустительству властей, которые своей глупостью, жестокостью и жадностью сначала породили возмущения, а затем своей беспечной дремой «в надежде на бессилие презренного бунтовщика» [Там же: 387] раздували народную грозу и пожар гражданской войны. Государственные «отцы» не только не следили за своими *непослушными* детьми, но и ввергли страну в русский бунт, который для всех оказался бессмысленным и беспощадным — «ужасной эпохой» и «кровавой порой». И это *непростительно!* Непростительно и потому, что практически всё общество, кроме дворян, было за Пугачёва.

То, что бессмысленность и беспощадность только часть русского бунта, доказывается последними словами Общих замечаний к «Истории Пугачёва» — «Нет зла без добра: Пугачёвский бунт доказал правительству необходимость многих перемен...» [Там же: 539]. Однако отцы-правители так и не смогли сделать должных выводов... Может, поэтому русский бунт бессмысленный и беспощадный, что он становится универсальной составляющей нашего общества, как и нерадивость правителей и жестокосердность замышляющих перевороты. Не зря А. С. Пушкин в примечаниях «Истории Пугачёва» цитирует письмо Бибикова к графу Чернышеву от 21 января 1774 года: «но варварству предательств

и злодейству не вижу еще перемены, не устаёт злость и свирепство, а можно ли от домашнего врага довольно охраниться, всё к измене, злодейству и к бунту на скопищах. Бог один всемогущ, обратит всё сие в лучшее» [Пушкин 1962, т. 7: 131].

Но в «Капитанской дочке» А. С. Пушкин, которому была «понятна времён превратность», строками постаревшего Петра Гринёва, вырвавшего из мясорубки гражданской войны меж двух правителей и сохранившего честь и достоинство, даёт нам наставление, чтобы наука не была бессмысленной и беспощадной: «Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [Пушкин 1960, т. 5:334.].

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф. М. Пушкин. Очерк. Произнесено 8 июня в Заседании Общества любителей российской словесности // Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Произведения 1879–1880 гг. М.: ГТХЛ, 1958.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М.: Госучпедгиз Министерства просвещения РСФСР, 1958.

Пушкин А. С. Капитанская дочка // Современник. Т. 4. М., 1836. С. 42–215.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д. Д. Благой, С. М. Бонди, В. Д. Бонч-Бруевич, Г. О. Винокур, А. М. Деборин, П. И. Лебедев-Полянский, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский, Д. П. Якубович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 14. Переписка 1828–1831 гг. М.: АН СССР, 1941.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах / Под общей редакцией Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и Ю. Г. Оксмана. М.: ГИХЛ, 1959–1962.

Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. Автобиографическая проза. Отрывки. Афоризмы. Критика. Публицистика. Исторические сочинения. СПб.: Библиополис, 1994.

Словарь русского языка XVIII в. Вып. 2. Безпристрастный–Вейэр. Л.: Наука, 1985.

Словарь языка А. С. Пушкина. Вып первый. М.: Госиздательство иностранных и национальных словарей, 1956. (АН СССР Институт языкознания).

Сочинения Александра Пушкина. Том седьмой. СПб.: Типография экспедиции заготовления государственных бумаг, 1838. С. 223.

Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. М.: Госучпедгиз Министерства Просвещения РСФСР, 1958.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I. М.: Русский язык, 1994. С. 123–124.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Бекасова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор Оренбургского государственного педагогического университета.

Адрес: 460000, г. Оренбург, ул. Советская, 19

Эл. почта: bekasova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Bekasova Elena Nikolaevna is a Doctor of Philology, Professor of Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).